

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)
Б19

Серия «Классика мировой фантастики»

Перевод *Екатерины Пташкиной*
Иллюстрация на обложку *Игоря Савченко*

Серийное оформление и дизайн обложки *Юлии Межовой*

Бакстер, Стивен

Б19   **Война миров 2. Гибель человечества / Стивен Бакстер.**— Москва: Издательство АСТ, 2019.— 541, [1] с.— (Классика мировой фантастики).

ISBN 978-5-17-110593-8

С марсианского вторжения прошло четырнадцать лет. Человечество наблюдает за небом, но вполне уверено в своих силах, полагаясь на военный прогресс и заимствованные марсианские технологии. Враг уязвим для земных вирусов. Армии готовы и ждут повторного вторжения.

Лишь единицы полагают, что наученные поражением марсиане теперь сумеют адаптироваться к земным реалиям. И они оказались правы. Марсиане высадились — и избиение человечества началось.

© Stephen Baxter, 2017
© Е. Пташкина, перевод, 2018
© И. Савченко, ил., 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

Посвящается Герберту Уэллсу, чьи идеи я здесь развил,
и Обществу Уэллса

Если астрономия чему и учит, то тому, что человек — всего лишь деталь в эволюции Вселенной и на других небесных телах неизбежно найдутся другие детали, схожие с ним, но все-таки иные. И хотя человек вряд ли встретит своего двойника, ему суждено обрести невероятное множество кузенов, рассеянных по космосу.

Персиваль Лоуэлл. Марс, 1895

Мне казалось, человечество стояло на пороге того, чтобы в полной мере осознать свое место в космосе. Весь интеллектуальный мир жил догадками и надеждами. А потом снова явились марсиане.

*Уолтер Дженкинс. Летопись Марсианских войн,
1913 и 1928*

**КНИГА I
ВОЗВРАЩЕНИЕ МАРСИАН**

---

1. ПРИЗЫВ К ОРУЖИЮ

Для тех из нас, кто выжил, Первая марсианская война была катастрофой. Но для существ куда более разумных, чем мы, и более древних, чем марсиане, для тех, кто наблюдает за нашим миром с дальних рубежей холодного космоса, это противостояние наверняка было мелким, незначительным событием, недостойным внимания.

Чем дальше планета от Солнца, тем она древнее и холоднее. Таким образом, Земля старше, чем жаркая плодородная Венера, а суровый Марс, в свою очередь, старше нашего прохладного шарика. Более отдаленные миры — Сатурн, Уран и Нептун — еще древнее и навек скованы льдом. Но Юпитер — царь всех планет, более массивный, чем все они вместе взятые, настолько же превосходящий по возрасту Марс, насколько Марс превосходит нашу планету, и согретый собственным внутренним пламенем, — должен быть населен существами, чей разум поистине велик. Теперь мы знаем, что эти существа давно наблюдали за нами — за человечеством, за Марсом, даже за невинной Венерой. Какой им виделась наша война? Быстро гаснущие искры во тьме, отблески огня на зеленой коже нашей планеты, облачка угольно-черного дыма — беспомощное людское копошение... Юпитериане смотрели на это так, как молчаливый бог мог бы

наблюдать за своими непутевыми созданиями: размышляя о непостижимом, с глубочайшим неодобрением.

И все же, как утверждает Уолтер Дженкинс, этот изучающий взгляд свыше задает тот контекст, в котором мы, некогда мнившие себя властителями всего сущего, обречены проживать свои жалкие жизни. И — как показали марсиане, наведавшись на нашу планету, — умирать своими жалкими смертями. Уолтер был прав. Этот контекст продиктовал ход всей Второй войны — и определил самый важный момент в моей жизни.

Впрочем, я, как и большинство людей, стараюсь не думать об этом и тем самым сохраняю здравый рассудок.

И, раз уж речь зашла об изучающем взгляде, я, принимаясь за собственные мемуары, не могу обойти вниманием тень, которую отбросил могильный камень, монолит, известный всем как Летопись — хроника Первой войны, записанная Уолтером, моим глубокоуважаемым деверем (если я еще могу его так называть после развода с его братом, Фрэнком); эта книга, как сказал бы Фрейд, психотерапевт Уолтера, словно тепловым лучом выжгла в коллективном подсознании образ Первой марсианской войны. Хочу сразу предупредить моих читателей: если вы ждете рассказа о величии космоса, поданного высокопарным слогом человека, которому заплатили за всю эту писанину, то вам стоит поискать другое сочинение. Но если вас интересует честный и беспристрастный отчет о событиях, которым я стала свидетельницей, тогда я, женщина, пережившая Первую марсианскую войну и потерявшая все, что имела во время Второй, представляю на ваш суд эти скромные заметки.

По иронии судьбы эта история началась для меня задолго до того, как марсиане во второй раз ступили на Землю, — с настойчивой серии звонков Уолтера из венской больницы. Мне, в то время по крупицам выстраивавшей новую жизнь в Новом

Свете, только этого не хватало. Но чувство долга взяло верх, и я откликнулась на его призывы.

Юпитер! Сумасшедший дом! Воистину это с самого начала была запутанная история.

2. ВСТРЕЧА ВЕТЕРАНОВ

Первые отголоски надвигающейся бури я ощутила в Нью-Йорке, а именно — в Вулворт-билдинг, где мне назначил встречу отставной майор Эрик Иден, чтобы, как он сказал, передать сообщение от Уолтера Дженкинса.

Мой юный коллега Гарри Кейн настоял на том, чтобы составить мне компанию. Гарри был из той породы нахальных американских журналистов, которые с подозрением относятся ко всему европейскому, — думаю, он был таким еще до войны Шлиффена. Я полагаю, Гарри хотел оказать мне моральную поддержку, но к этому примешивался и профессиональный интерес: ему было любопытно побольше узнать о Марсианской войне, бывшей для него лишь смутной картинкой из прошлого.

Так что мы отправились в назначенное место. Был свежий ветреный день; на дворе стоял 1920 год, середина марта. На Манхэттен обрушился снегопад — как все надеялись, последний в этом году; но главной нашей проблемой оказалась слякоть, которая подкарауливала неосторожных пешеходов на обочине, чтобы они промочили ноги по самые щиколотки. Я помню это утро: бодрящая суета на дорогах, электрические рекламные щиты, сияющие в неярком свете дня, — чистая, наивная энергия молодой нации, которую я впитывала напоследок, перед тем как снова окунуться в дела старой недоброй Англии.

Наконец мы с Гарри вошли в здание. В вестибюле поток горячего спертого воздуха ударил мне в лицо. В те дни американцы

любили как следует натопить помещение. Я расстегнула пальто, развязала платок, и мы ступили на пол из отполированного греческого мрамора, покрытый подтаявшим снегом и песком, нанесенным с улицы. В вестибюле царило оживление. Гарри со своей обычной насмешливой отрешенностью — привлекательная черта для мужчины под тридцать, хотя по описанию и не скажешь, — сказал мне, перекрикивая шум:

— Сдается мне, что твой майор Иден недавно в городе.

— И ты это понял, даже не видя его?

— Естественно. Иначе зачем бы вам встречаться здесь? В Лондоне американец назначил бы встречу в соборе Святого Павла — это тот самый, с отверстием в куполе, я верно помню? А куда пойдет британец в Нью-Йорке? Вот, пожалуйста — самое высокое здание в мире! — Гарри протянул руку и добавил: — Кстати, а вот и он.

Человек, на которого он указывал, стоял поодаль. Он был худ, невысок и одет в костюм-визитку, казавшийся дорогим, но безнадежно устаревшим на фоне кричащих нарядов, в которые были облачены все вокруг. Если это был Иден, он выглядел моложе своих лет — майору было тридцать восемь, на шесть лет больше, чем мне.

— И ты думаешь, что это Иден, потому что...

— Он единственный, кто разглядывает мозаику.

Человек действительно глядел на потолок, который (кажется, раньше я этого не замечала) был покрыт мозаикой в романском стиле — а может, в византийском. В этом все американцы: в свежеевозведенном храме мамоны они чувствовали тягу к своему европейскому прошлому, от которого давно оторвались.

Гарри направился к мужчине, бормоча под нос:

— И выглядит он как типичный англичанин за границей. При таких навыках маскировки неудивительно, что марсиане его поймали.

Я последовала за ним, фыркнув от смеха.

— Тише ты. Что ты такое говоришь? Этот человек — герой. Эрик Иден, в конце концов, был единственным из ныне живущих людей, кто побывал внутри действующего марсианского цилиндра — его поймали в первые пару дней нашествия в 1907 году, когда военные, пребывая в неведении о природе марсиан, исследовали место первого падения в Хорселле. Эрика оставили в живых — возможно, как образец для дальнейших исследований; он смог выбраться из цилиндра, не имея при себе совершенно ничего, и немедленно направился в свою часть, чтобы сообщить бесценные сведения о марсианских технологиях. Может, он и был героем, — но, когда мы подошли, Эрик выглядел довольно встревоженным.

— Миссис Дженкинс, я полагаю?

— Мисс Эльфинстон. После развода я предпочитаю, чтобы ко мне обращались так.

— Прошу прощения. Полагаю, вы узнали меня благодаря афишам в витринах книжных магазинов.

Гарри ухмыльнулся.

— Вроде того.

— О нашей поездке много говорили. Сейчас со мной только Берт Кук, но вскоре мы направимся в Бостон к старику Скиапарелли — тому самому, что открыл каналы, знаете? Ему уже за восемьдесят, но он держится молодцом...

Я быстро представила Гарри, сказав, что мы оба работаем в «Пост».

— Я не читал вашу книгу, сэр, — признался Гарри. — У меня несколько другие интересы. Я сражаюсь с людьми из Таммани-холл¹, а не с Марса.

---

¹ *Таммани-холл* — политическое общество Демократической партии США. Действовало с 1790-х по 1960-е годы. К 1870-м превратилось в политическую машину, продвигающую демократов на выборные посты; его лидеры не гнушались гангстеризма, казнокрадства и подкупов. — *Здесь и далее прим. пер.*

Эрик выглядел озадаченным, и я почувствовала, что пора вмешаться:

— Таммани-холл — местная политическая машина демократов. Американцы ко всему подходят с размахом, включая коррупцию. И в том цилиндре были не люди, Гарри.

— Тем не менее, — ничтоже сумняшеся продолжал Гарри, — я и сам пробовал силы в книготорговле. Всякая громкая бульварщина — вот моя стезя, раз уж у меня нет возможности торговать героическим прошлым.

— Вам повезло, — мягко сказал Эрик. Эта фраза показалась мне квинтэссенцией британской сдержанности. — Мисс Эльфинстон, Уолтер Дженкинс предупредил меня о вашей, скажем так, неготовности снова впутываться в его дела. Однако мистер Дженкинс подчеркнул важность известия, которое он хочет донести до своей семьи. Похоже, ему не удалось связаться ни с кем из родственников. Именно поэтому ему пришлось пойти кружным путем и выйти на вас через меня.

— Серьезно? Ну ничего себе! — усмехнулся Гарри и pokrutil пальцем у виска. — Получается, человек хочет поговорить с бывшей женой, и единственный способ это сделать — достучаться до кого-то на другом краю света, кого он едва знает — при всем уважении, сэр, — в надежде, что он поговорит с бывшей женой его брата...

— Такой уж он человек, — сказала я, почему-то испытывая потребность заступиться за Уолтера. — Он никогда не был приспособлен к жизни.

— Видимо, даже до того как он несколько недель вынужден был скрываться от марсиан, — угрюмо добавил Иден.

Гарри, молодого, уверенного, нельзя было назвать черствым, но я видела, что он не понимает.

— Не знаю, чем вы обязаны Дженкинсу, майор Иден. Я видел ваше интервью в «Пост», где вы ополчились на него за утверждение, будто он видел больше, чем кто бы то ни было,

---

марсиан, пока они шатались по Англии. По вашим словам, вы видели такое, что ему и не снилось.

Эрик поднял руку.

— На самом деле я этого не говорил. Репортер, видимо, решил оживить материал — ну что ж, надо ведь как-то продавать газеты. Но я скорее считаю, что нам, ветеранам, стоит держаться вместе. И кроме того, в каком-то смысле Дженкинс действительно весьма мне поспособствовал. Нельзя отрицать, что именно его мемуары в наибольшей степени сформировали в общественном сознании образ Марсианской войны. А я ведь там упомянут.

— Правда?

— О да. Книга первая, глава восьмая. Хотя по ошибке он сообщил, что я «пропал без вести». Это было весьма краткое упоминание.

Я хмыкнула:

— Вот он, хрестоматийный пример ненадежного рассказчика.

— Но он никогда не рассказывал о моих приключениях, как, скажем, и о приключениях Берта Кука, так что у меня появилась возможность написать о них самому — и издатели озаглавили мои воспоминания «Нерассказанная история».

Гарри рассмеялся.

— Вот это деловой разговор, это я понимаю! Так что у вас за план, майор Иден? Или мы весь день будем тут околачиваться и глазеть на фрески?

— Мозаики,— поправил Эрик.— Простите. Мисс Эльфинстон, мистер Дженкинс хотел бы вам позвонить.

Гарри присвистнул.

— Из Вены? Трансатлантический звонок ударит ему по карману. Знаю, сейчас все только и твердят, что о новом подводном кабеле, и все же...

Эрик улыбнулся.

— Я так понимаю, благодаря успеху его книги мистер Дженкинс сейчас не стеснен в средствах. Не говоря уже о том, что он продал права на экранизацию, — майор взглянул на часы. — Так или иначе, Дженкинс позвонит нам в номер — в тот, где остановились мы с Бертом. Если вы согласитесь отправиться со мной...

— В каком отеле вы остановились?

— «Плаза», — с легким удивлением в голосе ответил Эрик. Гарри расхохотался.

— Я бы удовлетворился и более скромной гостиницей, но Берт Кук...

— Вам не за что извиняться, — сказала я. — Но... — Я посмотрела Эрику в глаза и увидела в них кое-что знакомое — что-то такое, что я никогда не могла бы разделить с Гарри, каким бы он ни был добряком. Это был взгляд ветерана войны. — Зачем ему звонить? Неужели они могут вернуться? И почему сейчас? Момент ведь совершенно неподходящий, разве не так?

В ответ Эрик лишь пожал плечами — но он понял, о чем я говорю.

Я никогда не была астрономом, но после Марсианской войны все мы стали следить за танцем планет. Марс и Земля гоняются друг за другом вокруг Солнца, как машины на трассе Брукландс. Земля находится на внутренней орбите и потому движется быстрее, иногда обгоняя Красную планету — каждые пару лет или около того. И в эти моменты обгона, которые называются противостоянием (потому что в это время Марс и Солнце находятся в нашем небе строго друг напротив друга), расстояние между Землей и Марсом минимально. Но Красная планета движется по эллиптической орбите, как и Земля, пусть ее орбита и не настолько вытянутая, — они не ходят ровными кругами. А потому от встречи к встрече это минимальное расстояние колеблется от шестидесяти с чем-то миллионов миль до сорока миллионов. Когда планеты оказываются ближе всего друг к другу, это называется великим противостоянием.

И оно тоже циклично. Планеты оказываются на минимальном расстоянии друг от друга примерно каждые пятнадцать лет: в 1894 году, и в 1909-м, и в 1924-м...

Я процитировала по памяти:

— До следующего великого противостояния еще четыре года. Атака 1907 года произошла за два года до последнего такого противостояния. Соответственно, в ближайшие два года они не вернуться — если они вообще вернуться. Но если они хотят нарушить традицию и прилететь в этом году, тогда, возможно, они уже в пути. В этом году противостояние случится 21 апреля...

— И, как раструбили все газеты, включая нашу, — вклинился Гарри, — запуск в таком случае состоялся бы 27 февраля — две недели назад.

Еще немного мрачной логики. В 1907 году планеты максимально приблизились друг к другу 6 июля. Цилиндры начали приземляться ровно за три недели и один день до этой даты, а выстрелы из огромных марсианских пушек, в свою очередь, начались за четыре недели и четыре дня до этого.

Но все мы знали, что, даже если астрономы заметили на Марсе что-то подозрительное, никто из нас об этом не услышал бы. После Марсианской войны власти засекретили все астрономические исследования. Предположительно, это было сделано затем, чтобы пресечь панику, которая поднялась во время противостояний 1909, 1911 и 1914 года, и остановить тех, кто бездумно поднимал переполох, повлекший за собой смуту в деловых кругах и так далее, в то время как ни единый марсианин не высунулся из цилиндра. В итоге, по крайней мере в Британии, это привело к тому, что владение нелегализованным телескопом стало уголовным преступлением. В этом была своя логика, но, с моей точки зрения, такая секретность вызвала только больше страха и сомнений.

Получается, даже сейчас цилиндры могут нестись сквозь космическое пространство — по направлению к нам! Зачем бы

еще Уолтеру пытаться выйти со всеми нами на связь? Но такой уж он был человек — он всегда говорил обиняками. Некоторое время я пребывала в раздумьях, но неожиданно повисшее на протяжении требовало действий.

— Что ж, давайте ответим на звонок, — сказала я так решительно, как только могла. Я взяла Эрика под руку, Гарри придержал меня под локоть, и мы втроем вышли из вестибюля. — Думаю, я как-нибудь протяну час-другой в роскошных интерьерах «Плазы».

— А мне не терпится встретиться с этим Куком, — добавил Гарри. — Если хотя бы половина его слов — правда, он презанятный тип!

3. АРТИЛЛЕРИСТ В НЬЮ-ЙОРКЕ

Мы взяли такси в отель и отправились на пересечение 58-й улицы и 5-й авеню. Главный вход «Плазы», если вы вдруг не знаете, выходит на Великую армейскую площадь, посвященную победам Армии Союза в Гражданской войне. С 1922 года на ней появились также монументы, связанные с другим военным конфликтом. Но тогда это было впечатляющее зрелище.

Номер Эрика был именно таким роскошным, как я и ожидала, — с пухлыми креслами и великолепным видом на площадь. На низком стеклянном столике возвышалась закупоренная бутылка шампанского. Комнату наполняли слегка дребезжащие звуки регтайма, исходившие из радиоприемника. Это был не один из тех маленьких «народных приемников» казенного вида, известных как «мегафоны Марвина», какие в те годы можно было найти в любом британском доме, а добротная американская техника в ореховом корпусе.

И в этом антураже Альберт Кук, одетый в халат, возлежал на диване и лениво листал цветное приложение к какой-то газете.